

Читателю нашего журнала, конечно, памятли записки известного отечественного путешественника Камиля Зиганшина “Через огненный пояс”, опубликовавшиеся у нас в журнале в прошлом году. Там рассказывалось об экспедиции Русского географического общества, в которой участвовал и автор, по всему западному побережью Америки от Аляски на севере до Огненной Земли на юге. По так называемому Огненному поясу — цепочке действующих вулканов. Однако восточная часть Огненного пояса Земли находится в большой мере на территории России, на Камчатке, куда мы теперь и отправимся вслед за нашим неутомимым путешественником и писателем. Но вначале — некоторые сведения об этом далёком восточном рубеже России. Площадь Камчатского края — 464,3 тыс. кв. км (16% занято заповедниками и заказниками). Имеется 300 крупных и средних вулканов, из них 29 действующих. Население края — 320 тысяч человек, столица края — Петропавловск-Камчатский — 183 тысячи человек.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

УДИВИТЕЛЬНАЯ КАМЧАТКА

Восьмичасовой перелёт к колыбели русских Колумбов — полуострову Камчатка близился к завершению — мы идём на снижение. Летим вдоль береговой линии. Справа — земля, дыбющаяся сизыми хребтами и беловерхими конусами вулканов (их тут называют сопками), слева безбрежная гладь Тихого океана, занимающего почти половину поверхности Земного шара. На границе этих двух стихий — бурунистая полоска прибоя, унизанная пенными лентами рек и тугими клинками водопадов.

Сердце бьётся учащённо — исполняется моя давняя мечта. Сколько раз планировал побывать на этом огнедышащем полуострове, похожем на огромный корабль, который, вернувшись с плавания, встал на якорь у восточного причала России, да всё как-то не складывалось. А нынче мой давний и неугомонный друг, человек щедрой и благородной души — Динар Сагдетдинов предложил мне присоединиться к замечательной команде из заядлых туристов-бродяг, которые уже бывали в этих краях.

1. Открытие Камчатки. Вулканы, медведи, лосось и, конечно, — рыбалка!

Под нами мелькают кубики домов, обнявшие многорукой дугой уютную Петропавловскую бухту и часть Авачинской губы, которая способна вместить все флоты мира. Её длина 24 километра, ширина у входа — 3 километра. Включает в себя ряд более мелких бухт. Когда я ступил на трап, сходя с са-

молёта, взгляд мой сразу упёрся в конуса трёх вулканов: треугольную громаду Корякского (3456 м) и стоящих чуть правее в обнимку Авачинского (2751 м) и Козельского (2189 м). Справа за Авачинской губой сиял белоголовый конус живописного Вилючинского стратовулкана (2175 м). С макушки Авачинского, словно из раскуренной трубки, поднимался столбик полупрозрачного дыма. Он, как и Кроноцкий вулкан, из числа действующих. Оба пока дремлют, набираются сил. Настанет день, почернеют белые клубы, и понесёт ветер косматые шлейфы дыма и пепла – верный признак скорого извержения.

Наконец, спустившись по трапу, ступаю на землю Камчатки! Кто только из великих путешественников и мореплавателей не ходил по ней. Иван Москвитин и Василий Поярков, Владимир Атласов и Иван Козыревский, Витус Беринг и Алексей Чириков, Иван Крузенштерн и Геннадий Невельской, Григорий Шелихов и Александр Баранов, Литке и Врангель. Казаки-землепроходцы, учёные, промышленники, купцы, дворяне. Отважные и сильные духом россияне, любящие Отечество.

И как не восхититься словам мореходов Мошкова и Бутина в рапорте, адресованном командору Берингу по поводу жалования, которое не платили им несколько лет. В конце его казаки, словно извиняясь, пишут "... а об оном жаловании просить было некогда...". Вот ведь как! Не о деньгах думали первооткрыватели, не о личном благе радели. Бескорыстно и честно служа России, исследовали, описывали крайние земли. Бесстрашно выходили из спокойной Петропавловской бухточки в штормящие просторы Тихого океана, чтобы открывать и присоединять новые острова и земли.

Петропавловск встретил, как и положено, землетрясением силой три балла. Друзья Динара разместили нас на турбазе "Лесное". Это в километрах двадцати от города. На улице прохладно, а в домике тепло: база круглый год отапливается горячей водой из термальных скважин Паратунки.

Вечер посвятили составлению программы нашего путешествия. Поскольку хотелось увидеть как можно больше (Тихий океан, Долину гейзеров, нерест лососёвых, камчатских медведей, вулканы, фумарольные поля, кальдеру вулкана Узон, Долину смерти, термальные источники), она после бурной дискуссии получилась весьма насыщенной.

Завтра предстоял первый пункт программы: выход на большом катере в Тихий океан (как солидно звучит!). Там нас ждёт рыбалка и сбор знаменитых камчатских крабов.

Утро. Окрестности скрыты туманом. После ночного дождя сыро, зябко, сумрачно, но серая муть постепенно тает. Вот проступили карандашные силуэты рыбаков, оккупировавших берег залива. Наконец, сквозь молочную пелену стал проступать тусклый диск светила. А через полчаса от тумана не осталось и следа: разнесло ветром, высушило солнечными лучами. Капитан катера командует: "Отдать швартовы!". Мы осторожно отходим от заставленного разнотипными судами причала.

Ворота Авачинской губы охраняют столбообразные скалы – "Три брата". Они объявлены памятниками природы и уже стали визитной карточкой – своеобразным символом Петропавловска. Согласно легенде, здесь жили три брата. Чтобы защитить губу от большой волны, они встали на её пути и окаменели. Так и стоят с тех пор, охраняя город.

Лишь только прошли их, сразу ощутили могучее дыхание океана. Нас как будто закачало на гигантских качелях: то плавно подбрасывало, то плавно опускало. Вспомнилась молодость, китобоец № 26 "Вольный". Там, правда, качка бывала и похлеще.

Двигатель, пытаясь вытолкнуть катер на очередную изумрудного цвета гору, порой захлёбывался от напряжения. Если оседлать гребень не успевали, волна разбивалась прямо о задранный нос катера, и каскад брызг обрушивался на палубу, обдавая нас холодным душем – Тихий океан оказался вовсе и не тихим, а очень даже грозным. Смотрим на берег и с ужасом наблюдаем, как волны, разбиваясь о скалы, превращаются в белую пыль. Неужели придётся возвращаться?

– Ребята, все нормально. Чайки садятся на воду, волна скоро пойдёт на убыль, – успокаивает капитан.

Действительно, ветер постепенно терял силу. Белые барашки на гребнях волн незаметно растаяли. Грозный океан, наконец, стал Тихим. Мы с уважением смотрим на капитана – с таким морским волком не пропадём!

Мимо нас сразу замельтешили группами и поодиночке птицы. Одни за добычей, другие уже с ней. В основном белогрудые кайры, красноклювые топорки и истеричные чайки. Всем им не страшны ни бури, ни шторма. Суша этим странникам нужна лишь в период выведения и воспитания потомства. Остальное время их жизнь связана с морем. Известный натуралист Альфред Брем так и писал: "...Только две причины могут побудить морских птиц вернуться на сушу: радостное чувство пробуждающейся каждый год любви... и мрачное ощущение приближения смерти".

Одна из чаек увязалась за катером, но, убедившись в тщетности получить угощение, резко повернула обратно.

Обогнув скалистый мыс, зашли в бухту, но вместо ровного шума океанского прибоя слышим оглушительный птичий гвалт. Он несётся от скалистого островка, изрезанного карнизами, террасами, нишами. В который раз убеждаюсь, что не зря эти скопища пернатых именуют птичьими базарами. Лишь только мы оказались в их поле зрения, как над зелёной шапкой острова белой метелью взметнулись тысячи птиц.

От безостановочных истошных воплей и душераздирающих стонов чаек-моёвок заложило уши (и как они не устают столько вопить-голосить?). К ним присоединяется резкое гиканье кайр. Сквозь этот ор с трудом разбираю слова стоящего рядом Динара. Он кричит капитану: "Тут оглохнешь! Может, пройдем дальше?".

Отплывем. Птицы успокаиваются и возвращаются к своим квартирам. В самом центре "базара" – чайки и колонии похожих на пингвинов кайр (тот же чёрный фрак, белоснежная манишка, вертикальная поза). На периферии – птицы, не сумевшие отстоять более безопасное место. В середине самые благоприятные условия для выживания – туда сложнее пробраться хищникам. За "элитную" жилплощадь между пернатыми то и дело вспыхивают драки: птицы с устрашающим криком налетают, клюют, бьют друг друга крыльями. Квартирный вопрос всегда порождает жёсткую конкуренцию!

Зайдя в менее заселённую бухточку, разбираем спиннинги. Каждый оснащён тяжеленным грузилом и тремя довольно крупными крючками на разных уровнях. Насаживаем нарубленные кусочки шупальцев кальмаров и забрасываем снасть в воду. Леску отпускаем так, чтобы грузило едва легло на дно. Клюёт у всех почти сразу и только камбала – похоже, мы встали прямо над их колонией.

Через полчаса сменили место – тут пошла вразнобой иная рыба: морской бычок, терпуг, палтус и окунь. Что интересно, окунь самых разных цветов: тёмно-синий, зеленоватый, розовый. Средний вес порядка килограмма. Более мелкую рыбу выпускаем. Пока азартно, с дикими воплями выуживаем попавшую добычу, помощник капитана надевает двойной неопреновый гидрокостюм, тяжеленный кислородный баллон с разгрузочным жилетом, натягивает маску и прыгает в изумрудную толщу воды. Лавируя между колышущихся лент ламинарии в лабиринтах прибрежных рифов, обросших бородами из раковин мидий, он собирал для нас полный мешок морских ежей, а в местах поглубже – с десяток камчатских крабов.

Сваренная коком уха получилась фантастически вкусной, а нежное крабовое мясо буквально таяло во рту. Пока обедали, возле катера села стайка дымчато-бурых, похожих на голубей, глупышей. Окуная голову в воду, они поднимали её уже с рачками в клюве. Так вот что привлекло их сюда!

На обратном пути видим в метрах ста вынырнувшую касатку. За ней рассекали поверхность воды плавники ещё двух. А вон ещё одна! Да тут их целая семья! Вынырнув и шумно вдохнув свежего воздуха, они быстро скрывались в океанской толще. Лишь изящный профиль хвоста ещё некоторое время выдавал одну из них.

* * *

В книге выдающегося русского этнографа и путешественника Степана Крашенинникова "Описание земли Камчатки" (1756 г.) есть такие строки: "Все рыбы на Камчатке идут из моря в реки такими многочисленными рунами, что реки от того прибывают и, выступя из берегов, текут до самого вечера, пока перестанет рыба входить в их устье".

Думаю, и вы согласитесь, что быть на Камчатке в августе, в самый разгар хода лососёвых и не побывать на нерестовых речках – это было бы странным. Чтобы не заморачиваться с арендой снаряжения для сплава, воспользовались услугами профессиональных водников. Их товарищ забросил нашу команду на вездеходе со всей амуницией и горой продуктов в среднее течение труднодоступной горной реки, впадающей в Охотское море (через пять дней он заберёт нас в её устье).

Хрустальной чистоты речной поток, замедляясь на плёсах и ускоряясь на шиверах, понёс наши лодки мимо крутобоких сопок, заросших в нижней части высоченной травой и приземистым кедровым стлаником. Мишкам здесь раздолье: хочешь, ешь шишки, хочешь – стоящие сплошной стеной сочные стебли с крупными пальчатыми листьями шеломайника. В его зарослях иногда видим вытопанные участки и траншеи между ними – мишка кормился. Выше зоны стланика – высокогорная тундра, а на водораздельных гребнях господствуют уже курумники. На них ни травы, ни воды – во время дождя она сразу уходит сквозь беспорядочные, многослойные нагромождения камней.

В камчатских речках нерестятся все виды лососёвых Дальнего Востока: чавыча, горбуша, кета, кижуч, нерка (местные жители из-за ярко-красного брачного наряда её именуют красицей). Излюбленные места нереста – мелководье со слабым течением. Такие участки называют тёрками. Отметав и полов молоками икру, супруги ещё долгое время из последних сил охраняют присыпанную мелкой галькой кладку от прожорливых голец и хариусов. Со временем на их телах начинают проступать начальные следы разложения – белые некротические пятна. В конце концов, они погибают. Но, даже погибнув, продолжают поддерживать потомство – вылупившиеся мальки первые дни питаются остатками их плоти.

Медведи же, избалованные обилием свежей рыбы, отнерестившихся особей не едят: у них мясо жёсткое и безвкусное. Долгий и тяжёлый ход, против течения, нерест и охрана потомства высасывают из рыб все соки. Среди лососёвых Камчатки только голец и радужная форель не умирают после нереста. Но они и в океан на откорм не уходят. В пресной воде постоянно живут.

Царица лососёвых по размерам и вкусовым качествам, бесспорно, – чавыча. Правда, в последнее время и она сильно измельчала. Если в советское время попадались особи весом под пятьдесят килограммов, то сейчас редко вытягивают на десять.

Чавыча и открывает нерестовый ход. Начинается он в мае-июне. Последним (в конце августа – сентябре) на нерест заходит кижуч. Это про него Крашенинников писал: “Сия рыба вверх по рекам идёт с таким стремлением, так что перед ней вал поднимается, который усмотря издали, камчадалы бросаются в лодки и сети кидают”.

Действительно, в прежние годы от идущих на нерест косяков лососёвых вскипала вода. Но в рыночные времена такую волнующую картину вряд ли где увидишь. Разве что на некоторых Курильских островах. Виной тому безудержное браконьерское стяжательство: две груды кетин со вспоротыми брюхами нам уже попадались (тема эта настолько злободневная и актуальная, что остановлюсь на ней подробнее позже).

Привал. На берегу нас сразу накрывает серой волной мошка. Её было так много, что дышать приходилось сквозь зубы – иначе в рот залетала. И комары в этот вечер остервенели – жалили нещадно. Особенно доставалось лайке Эдуарда. Кровососы так покусали её веки, что вокруг глаз образовались кровоточащие язвы. Чтобы как-то облегчить свою участь, она вырыла пещерку и спрятала голову в ней.

Утром собрались довольно быстро – все хотели как можно скорее покинуть это комариное царство. Когда оказались на середине реки, вздохнули – кровососы наконец отстали. Течение хорошее, так что грести не было необходимости. Плывём, любуемся при свете восходящего солнца отрогами, обступающими речную долину. Их склоны почти до самого верха затянуты изумрудными коврами кедрового стланика. Издали они смотрятся настолько ровными, что так и хочется прогуляться по ним. Но я хорошо знаю, что эти симпатичные поля – это ад для попавшего в них путника. Тот, кто хоть раз ходил по стланику, поймёт меня. Не испытывшим же такого “удовольствия” попытаюсь объяснить. Итак, вы подошли к стланику и видите, что это вовсе не поляна для игры гольф: перед вами густая живая стена из стволов и веток.

На неё можно падать, повисать, пружинисто качаться и при этом не проваливаться до земли, а вот идти сложно. Неискущённому путнику может даже показаться – всё, прохода нет! И он отчасти прав, потому что его приходится создавать самому. Для этого надо, согнув голову, нырять в эту густую мешанину, с силой раздвигать упругие кривые стволы руками, перелезая через них, протискиваясь между перекрученных ветвей, а иногда и проползать между их сплетениями по-пластунски. Так что, если на вашем пути появилась симпатичная “поляна” стланика, не обольщайтесь, лучше сразу обойдите. Сэкономите и время и силы.

На приглянувшихся местах причаливаем порывачить спиннингом на блесну. Кто с лодки, кто с берега. Среди последних и я. Правда, на берегу от укусов невидимой, из-за мизерных размеров, мошки вскоре начинают гореть уши и кисти рук. Это отвлекает и мешает равномерно крутить катушку спиннинга. Но что поделаешь – приходится терпеть.

Берёт в основном голец (Эдуард говорит, что в прежние годы его было так много, что местами их тёмные спины сплошь покрывали дно). На втором месте – хариус (его средний вес – граммов четыреста, а максимальный, – полтора килограмма). Красная рыба попадается не часто. За день три-четыре на всю команду. Но даже такой улов – это превосходный результат. Местные рыбаки уверяли, что лососёвые на блесну вообще не идут. Скорей всего, говорили они так, из желания оправдать использование сплавных и перетяжных сетей. Наловят полную лодку, брюхо вспорют, мешочек с икрой вынут, а деликатесную рыбку выбрасывают. А потом больше всех удивляются, что лососёвых из года в год меньше становится.

Я не могу понять, почему сети продаются свободно. Ведь ловить ими запрещено. Где логика, господа депутаты? Сколько законов принимаете, но почему-то ни один из вас даже с законодательной инициативой о запрете продажи сетей не выступит. Однако, самый большой вред ихтиофауне причиняют даже не сети, а электроудочки. При их использовании большая часть рыбы погибает, а выжившие становятся бесплодными. Тем не менее, эти орудия преступления и производятся, и продаются. Тем самым наносится удар по рыбным запасам страны (если судить по рекам и озёрам нашей Башкирии, весьма заметный). Что не способствует укреплению продовольственной безопасности России. Абсурдность ситуации налицо, но власть не хочет замечать этих проблем.

Кучи распотрошённых кетин, облепленных зелёными мухами, – следы браконьерского лова, встречаем всё чаще. От них идёт такой смрад, что даже непривередливые чайки брезгливо облетают такие места. Эти белокрылые птицы десятками сидят по берегам у тёрок – мест нереста. Терпеливо поджидают, когда течение прибьёт к галечной косе очередную обессиленную рыбку.

Встали на обед. Когда таскал сушины для костра, увидел сначала содраный дёрн, потом яму – копанину “хозяина тайги”. Похоже, ограбил кладовую то ли бурндука, то ли горного суслика – евражки. А он и сам мишка вразвалку ковыляет. Судя по размеру – трёхлетка. Идёт себе вдоль бережка, озирается, носом поводит. Чайки перед ним с криком отлетают. В воду не лезет – обошёл прижим по берегу. Вот навалил кучу прямо в речку. Взобравшись на ствол каменной берёзы, склонившейся над водой, долго высматривает рыбу. Ведет себя так, словно не знает, как поймать её. Похоже, неопытный. Я сделал несколько снимков и, прихватив пару сушин, тихонько пошёл к стану поделиться с ребятами наблюдениями.

Из травы и кустов вылетали потревоженные мною полчища мелкой, почти невидимой мошки – такая мошка особенно активна вечером, на закате, а ночью не беспокоит. Появляясь на восходе, днём снова пропадает, уступая место более крупным кровососам.

Нерестовые реки – настоящий Клондайк для медведей. Поскольку плывём мы неслышно, подслеповатые звери подпускают довольно близко. Вон ещё один показался. Зашёл с галечной косы в воду. Постоял несколько секунд и быстрым движением когтистой лапы выкинул сверкающую рыбку на берег. Взяв в пасть, приступил к трапезе. Было слышно, как он урчит и чавкает от удовольствия. Мы окликаем его. Косолапый встал на задние лапы и поднял над головой передние – демонстрирует, какой он большой и сильный. Постояв так, опустился на четвереньки и на всякий случай скрылся вместе с остатком добычи в прибрежных зарослях.

На смену ему на пережат выходит медведь посолидней. Зайдя в воду, прыгнул, схватил рыбу зубами и тут же с аппетитом съел — похоже, сильно проголодался. Погонялся немного по мелководью и снова вытащил серебристую рыбку. Так, охотясь, медведь неторопливо спускался вниз по течению. Он до того увлёкся, что не заметил проплывающие мимо него лодки. Да и ветер относил наш запах в сторону.

При появлении нашей флотилии зоркий белоплечий орлан слетел с завала. За ним образовалась симпатичная, манящая своей бездонностью заводь. Делаем заброс. Рикаф тут же вытаскивает кижуча. Моя самая уловистая блесна цепляется за корягу. Раздеваюсь и лезу в воду спасать её. Напротив, по другому берегу бредёт медведь необычного, почти палевого цвета. Он наверняка тоже видит меня, но никак не реагирует — занят своими делами.

Встали на обед. Эдик развёл костёр и жарит рыбу. Мы же по очереди в два бинокля наблюдаем за медведем, рыбачим метрах в трёхстах от нашего стана. Только что спокойный, он вдруг поднимает морду и принохивается. Потом резко стартует и мчится галопом по крутому склону. Видимо, учуял нас! Как по-разному косолапые реагируют на людей.

Медведь зверь крупноголовый, а вот глаза крохотные. Со стороны из-за высокой холки, огромной клиновидной головы и мощной шеи он кажется неуклюжим. На самом деле медведь обладает пластичностью и реакцией кошки. Развитые мышцы передних лап, вооружённые серповидными когтями, позволяют одним ударом сломать хребет сохатого. Он любопытен и интересуется всем, что привлекает его внимание. Поэтому нередко посещает по ночам лагеря туристов и рыбаков. Его всеядность не уступает людской. Особенно любит, по наблюдениям наших проводников, банки со сгущённым молоком. Непонятно только, как он отличает их от банок с чем-либо иным. Неужто нюх такой тонкий? От нападения на человека его сдерживает генетический страх перед нашей способностью убивать на расстоянии. Он побуждает его избегать близких встреч с людьми. Но если обстоятельства (голод, ранение) принудят медведя напасть, он быстро усваивает, что нет добычи более лёгкой, чем человек, и становится чрезвычайно опасным. Таких особей приходится отстреливать.

Сегодня из нерестовых поймали лишь два кижуча. Олег засолил икры и подал её на ужин вместе с запечёнными в фольге хариусами. Из самих кижучей и гольцов сварили шикарную уху.

Ночью нас разбудил треск сучьев. Дежуривший у костра Эдуард поднял тревогу: “Медведь! Медведь!” Выбираемся из палаток и начинаем кричать, стучать по котелкам, мискам. Зверь упрямо топчется среди кустов — не хочет обходить палатки. Оказывается, мы встали на его тропе. А больше-то и встать негде — во время нереста медведи курсируют по всему берегу. На некоторое время топтыгин затих, но вскоре снова зашумел. Раскачивает ветви, злится — не хочется ему в дебри лезть. Становится жутковато. Эдик достаёт ракетницу и стреляет в его сторону. Красными огоньками вспыхивают глаза. Ломая подрост, зверь, наконец, удаляется. После такого переполоха собираемся у костра, встревоженные. Лезть в ненадёжную палатку уже не хочется. Нет, всё же днем тайга поприветливее.

Тем временем дрова кончаются. Поблизости ни одной сухостоины. Надо идти в лес поглубже. У меня в команде репутация бывалого туриста. Чтобы не разочаровывать друзей, отправляюсь за сушинами вслед за Эдиком и Валерой. Жутковато, но мою решимость поддерживают строки из книги Крашенинникова: “Камчатские медведи не сердиты, на людей никогда не нападают, разве кто найдет на сонного: ибо в таком случае дерут они людей, но до смерти не заедают. Никто из камчадалов не запомнит, чтоб медведь умертвил кого. Обыкновенно задирают они у камчадалов с затылка кожу и, закрыв глаза, оставляют, а в великой ярости выдирают и мягкие места. Однако ж не едят их. Таких изувеченных от медведей по Камчатке довольно, и называют их обыкновенно дранками”.

Оживив ползутухший костёр, Эдик прочитал нам лекцию:

— Если встретились с медведем, ни в коем случае не убегайте. Это будит в звере хищнический инстинкт и провоцирует преследование. Отступая, ведите себя с достоинством и не поворачивайтесь к нему спиной. Отходите медленно, повернувшись боком. Ещё важно не создавать своим поведением условия, при которых медведю некуда отступать. Когда заходите в лес, заранее давайте знать о себе покрякиванием или громким разговором. Косолапый не любит

неожиданностей. Неспровоцированные нападения на людей были, есть и будут всегда. Добродушие медведей обманчиво, а нападение страшно! В общем, всегда помните — медведь, прежде всего, хищник, а не лубочный герой или цирковой увалень. Что у него в голове, он вам не скажет. Все следующие ночёвки будем делать на островах. Так безопасней. И ещё: просьба ко всем — по звериным тропам не ходить.

После такого обстоятельного инструктажа мы как-то успокоились, подавленность прошла. Но все по-прежнему кучкуются у костра.

Только отплыли, как на берег из-за увала вывернул огромный медведь. Неужто это наш ночной гость? Ну и громила! Совсем рядом отдыхал. Увидев, а скорей всего, услышав нас (у мишек зрение слабоватое), он возбуждённо затопал, заскрёб землю, в маленьких буравчиках глаз загорелись злобные огоньки. Лодка всё ближе. Тут косолапый совсем разошёлся: стал делать броски в нашу сторону, “фукать”, часто работая челюстями, лязгать клыками. Но по стоячим ушам было понятно, что атаковать не собирается, просто пугает.

Уже после экспедиции в книге профессионального камчатского охотника Павла Панфилова “Медведь” узнаю, что за последние годы, начиная с 1996-го, агрессивность косолапых заметно возросла. Если в период 1981–1995 годов медведь на Камчатке задрал насмерть 14 человек, то есть одного человека в год, то с 1996-го по 2011 годы (практически за тот же срок), в результате их нападения погибло 45 человек, то есть три человека в год. Панфилов считает, что виноваты в этом, прежде всего, сами люди. Отлов лососёвых сетями в местах захода рыбы в реки привёл к тому, что у мишек возникли проблемы с кормовой базой и часть из них, не успев нагулять жир для зимней спячки, становится раздражительными, агрессивными. Вторая причина — вытеснение косолапых из традиционных мест обитания в связи с интенсивным строительством дорог, дач, предприятий, ЛЭП, трубопроводов с открытыми месторождений газа. Третья — отстрел в погоне за призовыми трофеями самых крупных особей. Это привело к росту численности молодых, недостаточно приспособленных к самостоятельной жизни зверей. И, безусловно, — неправильное поведение людей при встрече с этим грозным хищником. Человек, как правило, убегает, и у зверей срабатывает рефлекс: раз убегает — надо догнать.

Впереди, посреди речки, показались две чёрные точки. По мере приближения к ним мы поняли — опять эти косолапые. Когда почти поравнялись с ними, те уже выбирались на берег. Оказалась медведица с лончаком — полуторагодовалым медвежонком прошлогоднего помёта.

... Чем ближе к морю, тем больше чаек. Терзают по берегам отнерестившуюся рыбу. Наше внимание привлекла одна довольно потрёпанная птица: её почему-то все отгоняли от добычи. Сердобольный Динар кинул ей кусок хлеба. Чайка поймала его на лету, но не успела проглотить, как на неё накинлись сразу трое. Что тут началось! Драка завязалась прямо в воздухе. Они били бедняжку клювами, хлестали крыльями. Потеряв скорость, две чайки плюхнулись в воду. Первое время они тихо лежали, расправляя крылья. Придя в себя, вновь кинулись друг на друга, хотя хлеба — причины драки, уже не было. Получить преимущество так и не удавалось ни одной из них. Наконец усталость остудила кипящие страсти. Разлохмаченные и мокрые птицы разлетелись и стали приводить себя в порядок на разных концах галечной косы.

... Встали на плёсе. Ловим с берега. Я не фанат рыбалки. Поймав двух гольцов, поднялся на обрыв, чтобы нарвать шишечек стланика. Молочной спелости орешки сейчас самые вкусные. Особенно если шишки испечь на углях. Редкий с краю, стланик в глубине становился всё гуще. Набрал полный пакет, с трудом продираюсь на свободу. К стану возвращаюсь по полянке, устланной пышными клубами ягеля. Серый, упругий, похожий на мочалку, мох-гриб мягко пружинит под ногами. Неожиданно из-под кустиков голубики с шумом выпорхнула куропатка и, прихрамывая, заковыляла прочь. И хотя прекрасно знаю, что птицы специально прихрамывают или припадают на крыло, когда отводят от потомства, всё же первая мелькнувшая мысль — у птахи что-то с ногой!

Раздвинув кусты с сизыми ягодами, обнаружил четырёх, уже довольно крупных птенцов. Благодаря пёстрому серовато-коричневому оперению они почти сливались с почвой. Куропатка-мать сердито закудахала издали. Чтобы успокоить её, тихонечко отступил и зашагал к лагерю.

На следующий день прошли один за другим три порога. В сужениях, обрванных скальными лбами, река с рёвом устремлялась через узкие прохо-

ды вниз. Высокие стоячие волны захлестывали лодку, осыпали рюкзаки и нас холодными брызгами. Тут ещё небо затянула серая хмарь. Посыпала морось. Неожиданно она перешла в ливень. Пока доставали из рюкзаков плащ-накидки, основательно промокли.

После каждого стремительного слива всегда следовали заводи, казавшиеся из-за черноты бездонными. Но, как ни странно, сколько забросов ни делали – рыба не клевала. Лишь однажды повезло: Динар поймал нерку в таком ярко-красном наряде, что, когда он подвёл её к борту, показалось, будто возле лодки разгорелся алый костёр. Более необычной раскраски у рыб я не видел. Туловище алое, с фиолетовым участком на спине, одни плавники зелёные, другие черные; челюсть белая. Тут уж и у меня взыграла кровь – все уже по два-три лосося поймали, а у меня одни гольцы. На следующей стоянке, по совету Эдуарда, меняю золотую блесну на серебристую с красными пятнышками, и делаю несколько бросков в чёрный омут. Безрезультатно. По идее, в таком месте рыба должна кишмя кишеть, а на деле тишина.

Прошёл немного вниз – в устье горного ручья медленно ходит кругами несколько кижучей. Откуда-то появляется уверенность: “Один из них будет моим!” И уже на втором забросе почувствовал сильный рывок. Тут началась борьба, в которой забываешь обо всём на свете. Когда главной целью становится удерживать в руках спиннинг и при этом успевать подтягивать сильную рыбину к берегу. Вот кижуч уже бьётся на мелководье. Только бы не сошёл с тройника! Я так разволновался, что на всякий случай прыгаю на мокрые валуны и придавливаю добычу всем телом. Во мне просыпается хищный зверь – вцепляюсь в жабры (не выпущу!) и гордо несую трофей к стану.

После обеда причаливаем к месту, где нас уже поджидал ГАЗ-66. После пятчасовой тряски в тесной, заваленной рюкзаками и тюками со снаряжением будке выгружаемся на турбазе Лесное. Второй пункт программы завершён!

2. Петропавловск-Камчатский – город на беспокойной земле

Во время завтрака ощутили ногами слабые тычки. Зазвякали стаканы в шкафу, слегка закачалась люстра. Местные на такие незначительные сотрясения земной коры не обращают внимания. Знают, что они не страшны: дома построены с расчётом на землетрясения в девять баллов. Плотные низкие облака, слившись с морем, погрузили окрестности в серую муть. Это поставило жирный крест на моём полёте в Долину гейзеров.

Чтобы день не пропал зря, решил воспользоваться приглашением местного краеведа Михаила Яковлевича Жилина, много лет проработавшего собкором ТАСС по Камчатскому краю и написавшего вместе с Василием Песковым несколько интересных книг. Михаил Яковлевич тут же организовал машину и весь день знакомил с городом, причудливыми рукавами растёкшимся по побережью и узким распадам. О каждой достопримечательности в лабиринтах его безразмерной памяти хранилась масса интересных историй.

Первым из русских в эти места добрался на оленьих упряжках отряд Владимира Атласова. Случилось это в 1697 году. Тогда на берегу Авачинской губы были только стойбища ительменов. Казаки заложили лабазы для хранения ясака и основали рядом со стойбищем ительменов Аушин острог.

17 октября 1740 года, по составленным Атласовым картам, здесь высадились экспедиция, прибывшая на двух пакетботах “Святой Пётр” и “Святой Павел”, что и дало название городу, Вторая Камчатская экспедиция возглавлялась командором Витусом Берингом и капитаном Алексеем Чириковым. Эту дату и принято считать днём рождения Петропавловска. А основателем города – Беринга. На самом же деле, его основателем был штурман мичманского ранга Елагин Иван Фомич. 29 сентября 1739 года, он по приказу командора на боте “Святой архангел Гавриил” зашёл в Авачинскую губу и на берегу самой тихой её бухты, названной впоследствии Петропавловской, построил склады и жилые помещения для размещения запланированной на 1740 год экспедиции. А также сделал промеры для выяснения возможностей захода крупных морских судов, поскольку “...при оной губе надлежит быть для жилья служителям строение, також и для клажи провианта магазейнам”.

Спускаемся с бодро вышагивающим, несмотря на свои 78 лет, Михаилом Яковлевичем к причалам, у которых толпятся десятки белоснежных судов.

Длинноногие краны выгружают из трюмов контейнеры, бочки, мешки. Оглядевшись, я убедился, что основатели города очень грамотно выбрали эту неприметную, незамерзающую даже зимой бухточку Авачинской губы под базу порта. В ней в самый свирепый шторм – тихо, спокойно.

Каких только кораблей не повидала она! Сюда заходили бригантины, галиоты и шитики, суда промысловых компаний со всего мира. В 1779 году эта гостеприимная гавань дала приют кораблям Третьей экспедиции Джеймса Кука. Через восемь лет бухту посетили суда Жана-Франсуа Лаперуза. Жители города дали морякам французской экспедиции всё, что требовалось для продолжения плавания. Адмирал Лаперуз позже написал: “Я не мог бы в собственной стране, у моих лучших друзей встретить более тёплый приём, чем здесь. У русских не было никакого приказа, касающегося нас, но они предоставили помощь вдовольном количестве, и с нас не взяли какой-либо платы”. Через 70 лет, во время Крымской войны, эскадра “благодарных” французов и англичан, имея приказ отвоевать у России Аляску, Алеутские и Командорские острова и Камчатку, вероломно напала на оказывавший им безвозмездную помощь город Петропавловск. Небольшой русский гарнизон не только выстоял в этом сражении, но и разгромил втроекратно превосходящего по численности и вооружению противника.

А в 1804 году в бухту зашёл во время Первой кругосветной российской экспедиции по пути в Русскую Америку корабль “Надежда” под командованием Ивана Крузенштерна. Впоследствии, только с 1804-го по 1848 год состоялись заходы в бухту 25-и русских кругосветок!

Бродим по старой части города, в надежде найти следы былого. Увы, из старых построек ничего не уцелело. Виною тому регулярные землетрясения. Слава богу, хоть памятники мореплавателям и защитникам Петропавловска на Камчатке сохранились. С удивлением обнаруживаю, что этот город более чем на сто лет старше Владивостока и Хабаровска – **17 октября 2015 года Петропавловску официально исполнится 275 лет**, а если быть точным – 276. Николаевск же на Амуре основан в 1856 г.; Хабаровск в 1858 г.; Владивосток в 1860.

Погуляв по центру города, вышли к Никольской сопке. Здесь в 1854 году во время нападения англо-французской эскадры, имевшей приказ завладеть главным портом России на Востоке, стояли насмерть вместе с матросами артиллеристы двух батарей под командованием лейтенантов Александра и Дмитрия Максутовых. Несколько дней продолжался неравный бой, завершившийся яростной рукопашной схваткой. Неприятель не выдержал и бесславно бежал, оставив на берегу погибших. А командующий вражеской эскадрой контр-адмирал Прайс от постигшего его позора застрелился.

На склоне Никольской сопки артиллеристам легендарных батарей воздвигнут памятник. На берегу на деревянных лафетах продолжают сторожить подступы к Петропавловску пять сохранившихся чугунных орудий. С обратной стороны сопки находится мемориальный комплекс: некрополь с белокаменной часовней. Справа братская могила российских воинов, слева неприятельских. В 1954 году в день столетия Петропавловской обороны моряки-тихоокеанцы открыли монумент “Славы погибшим за Отечество”, увенчанный зубчатой маковкой и крестом.

Спустившись в город, заглянули в этно-магазин “Шаман”. Тут мы оказались в окружении шкур, черепов, клыков, шаманской атрибутики и костюмов коренных народов. Я купил карту Камчатского края и несколько книг. Пройдя мимо здания краевого театра и правительства Камчатки, оказываемся на огромной площади с двумя памятниками. Один Ленину, второй – святым Петру и Павлу. Осмотр исторической части города на этом завершён. Неутомимый Михаил Яковлевич везёт меня к мысу, на котором расположена пограничная застава. За ней – открытый океан.

Грунтовая дорога, петляя по округлым бухточкам с рыбацкими станами и сопкам, затянутым зарослями каменной берёзы, вывела на водораздел. Тут нам навстречу пробежала группа солдат с полной боевой выкладкой. Гимнастерки на ребятах побурели от пота – служба есть служба! Отсюда открылась синяя гладь Тихого океана, занимающего, кстати, почти половину земного шара. Недаром его ещё зовут Великим. Высокий берег перед ним дыбится широким мысом, на котором видны постройки: казарма, штаб, вышка. Насладившись безбрежностью и величием океана, поворачиваем в город.

3. Долина гейзеров

Среди многих чудес Камчатки есть одно, увидеть которое мечтает практически каждый. Это сказочно красивая, но труднодоступная Долина гейзеров. Там круглый год из десятков отверстий в земле периодически извергается, фонтанирует кипящая вода. На нашей планете всего пять стран с подобными термальными полями: Новая Зеландия, Чили, США, Исландия и Россия. О существовании такой долины на Камчатке мир узнал совсем недавно – в июле 1941 года. То есть спустя 250 лет после появления на полуострове первых русских землепроходцев. Природа как будто специально упрятала своё чудо в самом глухом месте полуострова.

Открыла Долину сотрудница Кроноцкого заповедника – Татьяна Ивановна Устинова, сумевшая с одним из помощников одолеть крутостенные хребты и проникнуть в эту глухомань.

Измеряя температуру воды в устье горной речушки, они обнаружили, что она гораздо теплее, чем в других речках. Их заинтересовало, а что же её так нагревает? Дойдя до первого притока, решили вскипятить чай и стали собирать валёжник для костерка. Вдруг совсем рядом из земли с шипением забил многометровый столб кипятка! Как будто сказочный джинн из бутылки вырвался! Через несколько минут струя неожиданно обмякла и... пропала. Это был первый гейзер, обнаруженный людьми в Долине. Его так и назвали – Первенец. А что учёные увидели, пройдя вглубь ущелья, мы узнаем чуть позже.

Как я уже упоминал, вылететь в Долину из-за тумана с ходу не удалось. Появившиеся к вечеру в непроницаемой мгле разрывы слегка обнадѐжили. К утру промозглая молочная муть стала ещё непроницаемей. Однако восходящее солнце упорно пробивается то в одном, то в другом месте. В образующиеся окошки тут же выплѣскивается сноп горячих лучей. Правда, пока ненадолго. Наползающие клубы быстро латают прореху. В конце концов, битва всё же завершается победой света и тепла. Все собравшиеся в аэропорту восприсительно смотрят на авиадиспетчера.

Ура! Вылет разрешѐн! Наш борт отправляют вторым, вслед за вертолѐтом губернатора Камчатского края. Он с гостями из Германии полетел к самому высокому вулкану России – Ключевской сопке. На нашем Ми-8 тоже почти одни иностранцы – корейцы. Нераскрученность камчатского турбренда среди россиян порождает парадоксальную ситуацию: зарубежных туристов гораздо больше, чем отечественных.

Рядом со мной сидит седовласый, крупный мужчина лет семидесяти. "Виктор", – представился он с располагающей к беседе улыбкой. После пары банальных фраз завязалась беседа. Вскоре я уже знал, что мой сосед вулканолог, проработавший на сейсмических станциях Камчатки семнадцать, как он выразился, лучших в его жизни лет. Сейчас живѐт в Питере. Прилетев на юбилей друга, решил побывать, наконец, в Долине гейзеров. Когда работал здесь на сейсмостанциях – не до того было: в те годы как раз наблюдалась повышенная вулканическая активность. Ему даже посчастливилось в 1975 году быть свидетелем рождения двух вулканов неподалѐку от Плоского Толбачика.

Мне очень хотелось расспросить Виктора об этом чрезвычайно редком (в масштабах жизни человека) природном явлении, но грохот набравшего обороты двигателя затруднял общение. Пришлось отложить разговор до приземления. К тому же мы уже в воздухе. Под нами широкая и лесистая, расцвеченная первыми мазками осени долина реки Авача, обрамлѐнная рядами острозубых горных пиков, очень похожих на те, что я видел в Эквадоре во время кругосветки "Огненный пояс Земли". Вот "наезжаем" прямо на один из них: мрачный, чадающий прыщ – стратовулкан (тип вулкана, имеющий конусную форму и образованный множеством слоѐв затвердевшей лавы и вулканического пепла) Карымский.

Я прильнул к иллюминатору. Кратер совсем рядом. Зрелище впечатляющее и в тоже время гнетущее: из-за громадных размеров и таящейся в этом исполине мощи чувствуешь себя даже не букашкой, а ничтожной песчинкой. Склоны конуса завалены чѐрным пеплом и сыпучим шлаком, ниже груды вулканических бомб. За ними простираются безжизненные поля, залитые замысловатыми потоками застывшей лавы.

Пилот, давая возможность восхититься-ужаснуться творением подземной стихии и сфотографировать кратер вулкана, совершил вокруг него несколько

кругов. Воронка оказалась такой глубокой, что дно терялось в сизой мгле. Из щербистых стенок кратера били струйки дыма и пара – фумаролы. Что такое фумарола? Это парогазовая струя, которая с шипением, а порой и со свистом вырывается из земли. Рядом с вулканом серебрится чаша озера. В его зеркальной глади идеальный конус отражался столь чётко, что не понятно, где небо, а где вода.

Я в восторге от увиденного. Прильнув к иллюминатору, с жадностью всматриваюсь в проплывающие под нами ребристые гребни, тесные ущелья, вулканы, холмы и межгорные котловины.

Сразу за Карымским последовал, похожий на древнегреческий амфитеатр, полуразрушенный вулкан Двор. За ним в отдалении торчали высокие, сильно иссечённые временем зубчатые стены Большого Семячика. А вон и Малый Семячик. Его кратер почти до краёв заполнен водой молочно-стального цвета. Гид поясняет: “Это кислотное озеро, температура воды плюс 40”. У подошвы конуса скопления вулканических бомб – камни в рост человека. Они напоминают полураздавленные ядра лесных орешков – вот такие громады вулкан во время извержения выплёвывает из своего нутра.

На одном из уступов скалистого гребня разглядел группу снежных баранов, или, как их называют местные, толсторогов. Правда, обладатель круто закрученных рогов в единственном числе. Остальные – мамы с ягнятами.

Вот и бурунистая змейка реки Шумной. Значит, Долина гейзеров совсем близко. Точно – вертолёт заходит на посадку и садится на деревянный настил с белым кругом посередине. Всего час понадобился нам, чтобы долететь до Долины, первопроходцы же добирались в эти края неделями, а то и месяцами.

Пока поджидали вооружённого карабином смотрителя заповедника (медведи тут “свои люди”), я успел осмотреться. Мы приземлились на стыке отрога, ведущего к невидимой пока Долине гейзеров и примыкающему к нему распадку. Внизу из-за рощи каменной берёзы выглядывали крыши визит-центра и кордона. На его боковой стене белела тарелка “Триколора” и зачем-то горел фонарь. Ещё ниже виднелись молочные клубы пара – должно быть там и есть Долина гейзеров.

В заповеднике дров много – каменная береза растёт повсюду, но лес рубить нельзя. Посему имеется своя маленькая электростанция – термоэлектрический генератор. Два электрода и вода, холодная и горячая, – все, что требуется для её работы. Станция экологична, компактна и безопасна.

Широкий, уходящий вправо, распадок сплошь в громадных губрах из светло-коричневого и жёлтоватого грунта, местами уже поросшего травой. Это следы мощного оползня, перегородившего 3 июня 2007 года речку Гейзерная, берущую начало у подножья вулкана с комичным названием – Кихпинич. Что стало причиной оползня и вызванного им селя, неизвестно: землетрясения не было, и осадки в пределах нормы. Предполагают, что где-то в горе появилась тектоническая трещина, и от возникшего смещения сопки, обрамляющие распадок, “поплыли” одна за другой. Этому способствовало, что сложенные из рыхлых осадочных пород сопки после таяния снега были ещё хорошо напитаны влагой. Образовался грязевой поток, понёсший с собой обломки всевозможных камней: от двухметровых глыб до мелкого щебня. Длина оползня была около двух километров, масса сошедшего грунта – около 10 млн тонн!

Основная масса селя прошла по руслу ручья, впадающего в Гейзерную. В его устье был тридцатиметровый водопад, под теплыми массирующими струями которого резвилось не одно поколение гостей Долины. Оставив от него лишь воспоминание, сель врезался в русло Гейзерной и расплзся по нему в обе стороны, перекрыв водоток. В результате образовалось озеро, затопившее часть гейзеров. Не повезло и Первенцу – грязекаменный поток накрыл его. Правда, ненадолго. Этот упрямец через несколько дней пробил в пятиметровом слое грязи порядочную дыру, чем доказал свою жизнестойкость.

Оползень стал трагедией не только для сотрудников заповедника, но и для всех любителей природы, туристов, путешественников, знающих Камчатку. К счастью, в 2013 году после мощного циклона, принёсшего проливные дожди, хлынувшая через плотину вода промыла в ней канал, и вода из озера ушла. В результате открылись не только затопленные гейзеры, но и образовались новые. Долина после этого, по мнению сотрудников заповедника, стала даже ещё краше.

Подошедший смотритель вежливо предупредил нас о том, что ходить разрешается только по оборудованным дощатым тропам. При нарушении этого

требования ему дано право прекращать экскурсию. Подобная строгость связана с тем, что были случаи, когда люди соскальзывали в грязевые котлы или проваливались в самых неожиданных местах. А ожоги ног от кипятка, особенно если человек в носках и обуви, очень болезненны и заживают крайне долго.

Знакомство с Долиной – узким ущельем, склоны которого усыпаны гейзерами, термальными источниками, фумаролами, грязевыми котлами и маленькими вулканчиками, начали со смотровой площадки у гейзера Малый – он как раз должен был вскоре проснуться. За ним, метрах в сорока, виднелся солевой конус его старшего брата – гейзера Большой. Он извергается с периодичностью в несколько часов, и нам не удастся полюбоваться на его фонтанирование. Обидно! Говорят, что это величественное и незабываемое зрелище. Ещё бы! Струя, вернее столб воды диаметром в один метр, выстреливает на высоту трёхэтажного дома.

Тут в воздухе уже явственно ощущается резкий запах сероводорода. В глубине каменного, охристого цвета жерла лениво клокочет прозрачная, бирюзового цвета вода. От неё поднимается лёгкий пар. Пока гейзер находится в состоянии покоя, я попросил Виктора рассказать о том, как рождались вулканы. Видя мой неподдельный интерес, он оживился.

– После окончания МГУ меня направили в Институт вулканологии. Прилетел в Петропавловск и сразу в поле. Нашу группу забросили на вертолёт к подножью Плоского Толбачика. Развернули лагерь, установили приборы. Стали наблюдать. Сейсмографы первыми зафиксировали частые подземные толчки зашевелившейся под земной корой магмы. Потом и мы ощутили колебания почвы. Стал слышен подземный гул. А рано утром, в трёх местах треснула земля, и из разломов вырвались со страшным грохотом три струи раскалённых газов, следом полетели вверх куски почвы, небольшие камни. Вскоре на ровном, как стол, плато выросли три четырёхметровых конуса. На следующий день они объединились в один, и из него высоко в небо забил с рёвом реактивного самолёта мощный ярко-оранжевый фонтан, за клубились мрачные пепло-газовые тучи. Высота новорожденного росла так быстро, что через две недели на плато стояла огнедышащая гора высотой 250 метров! Её склоны казались живыми от камнепада и фонтанчиков пыли. Это сверху, из гигантского столба пепла, с грохотом падали вулканические “бомбы”. Особенно впечатляла картина при заходе солнца. Тогда уходящие в небо серые клубы пепла приобретали то переменчиво малиновый, то пурпурный цвета. А с наступлением темноты становилось хорошо видно, как из кратера вырываются залпами букеты расплавленной лавы. Взлетая ввысь, лепестки этих букетов гасли, рассыпались на тысячи раскалённых докрасна звёзд-бомбочек. Они падали на склоны вулкана, и от этого он весь светился. Временами выстреливал столь обильно, что по конусу начинали стекать огненные ручейки. Высота столба пепла, выбрасываемого из этой циклопической пушки, достигала семи километров. В её толще то и дело сверкали короткие, ломаные молнии, гремел гром, но дождя не было. Сухая гроза! Такое случается при извержениях. Дней через двадцать в километре от первого вулкана начал расти второй. Точно такой же. Два новорожденных вулкана в одном месте и в одно время! Фантастика! Потом из обоих жерл хлынула рекой расплавленная магма.

Остывая, магма густела, покрывалась тёмной, шершавой коркой. Под конец она уже не текла, а ползла, переваливаясь крупными тестообразными комьями. Кстати, слово “магма” так и переводится с греческого – “тесто”. В конце концов, загустевший поток замер шероховатым, многослойным валом.

Разговаривая, мы то и дело поглядывали на оживающий гейзер. Вода, заполнившая подземную камеру, быстро нагревалась от идущего из-под земли жара. Вот она забурлила и начала выливаться через угловатый проём всё сильнее и сильнее. Подвижной и гуще становились завитки пара. От него даже до нас докатывались волны тепла. Казалось, будто задышал сказочный дракон.

И вот он – долгожданный взрыв! Кипящие струи воды широко и яростно зафонтанировали вверх и в сторону реки, будто из связки брандспойтов. От неожиданности все ахнули и невольно отпрянули от ограждения. Из-под земли донёсся гул, словно там ворочались каменные глыбы. Мощные струи воды ритмично взлетали на пяти-семиметровую высоту, а столб пара поднялся значительно выше. Брызги, рассеиваясь вокруг, окропляли рыжеватые камни. Я был потрясён не столько красотой извержения, сколько неистовой мощью водной стихии. Странно, что этот гейзер назван Малым. В шутку, наверное.

От Малого гейзера настильная тропа повела в ту часть долины, где гейзеров больше всего. Спускаясь, обратил внимание на две чёрные, угловатые глыбы. На одной из них закреплена бронзовая табличка “Татьяна Ивановна Устинова 14 ноября 1913 г. — 4 сентября 2009 г.”. Оказывается, дочери первооткрывательницы Долины гейзеров, исполняя последнюю волю матери, захоронили в этом месте урну с её прахом.

Пройдя ещё метров сто, вышли на бугор, с которого открывался вид почти на всю Долину. Увиденное превзошло все ожидания. Гейзеров, разбросанных по склону ущелья на разной высоте, здесь было даже больше, чем я ожидал. Между ними парили различной степени активности фумаролы. Струи кипятка, окутанные молочными клубами, взлетали в основном с правого склона. Временами пар был такой густой, что покрывал всю долину. Было ощущение, будто нас перенесли во времена сотворения мира.

Этот самый живописный участок ущелья называется Большой Витраж. Стекающие из бурлящих грифонов горячие ручейки, благодаря живущим в них различным термофильным микроорганизмам, окрасили почву необычной мозаикой, составленной из разноцветных лоскутков. Ого! А это кто там бродит в клубах пара? Неужто медведь? Точно, он. Теперь понятно, почему все смотрители вооружены. Сопровождающий нас егерь по-хозяйски прикрикнул на косолапого: “Иди, иди! Не мешай!”. Мишка послушно свернул и скрылся в высокой траве. Тем не менее, корейцы и переводчица опасливо заозиралась. Егерь успокаивает: “Не бойтесь. Здешние медведи не агрессивны”.

После извержения гейзеров насыщенная солями вода испаряется, оставляя на камнях мелкие кристаллы. Наслаиваясь, они образуют где светло-дымчатые, похожие брошенный на землю серый плащ, натёки, где кораллообразную броню — гейзерит. Вокруг иных грифонов отложения столь внушительны, что напоминают крепостные сооружения.

Гордостью Долины является гейзер Великан. К сожалению, он тоже извергается редко — раз в 5-6 часов. Тогда напористая струя взлетает на 20–30 метров, а кучерявый столб пара может достигать в высоту 300 метров! После обильного извержения кипятком по каменным ступенькам жемчужными волнами сбегает в большую скальную чашу, в которой плавают плоские бурозеленые лепешки — термофильные водоросли. Здесь можно искупаться до следующего “обстрела”. Всего в Долине около двадцати крупных гейзеров и не менее восьмидесяти малых. Помимо них, до сотни парящих источников. Каждый гейзер имеет свой характер и индивидуальный вид. При этом все они подчиняются единому алгоритму, включающему четыре фазы. Стадия покоя, стадия наполнения канала водой, стадия вскипания и выплёскивания воды через край грифона и, наконец, взрыв — достаточно длительный и мощный выброс кипящей массы.

На некоторых заросших низкорослым ольховником и тучной травой террасах парили озерца, лениво пыхтели, чавкали лопающимися пузырями, грязевые котлы. Над ними курились сернистые испарения.

Как я уже упоминал, на планете Земля всего пять мест, где имеется подобное скопление водяных “пушек”. В двух из них я прежде бывал (долина Эль-Татио в Чили и гейзеры в Йеллустонском парке в США). Сравнивая их с нашей Долиной, могу с уверенностью заявить, что наша намного зрелищней и живописней.

4. Кальдера Узон и Долина смерти

Серая тень Ми-8 осторожно крадётся по изогнутой долине реки Шумная к кальдере вулкана Узон — там её истоки. По бокам проплывают невысокие, лысоватые горы. Далеко за ними сквозь сизую дымку просматриваются зубцы двуглавого вулкана Крашенинникова и пикообразная вершина Кроноцкого (3528 м). На их склонах белеют бороздки и пятна ледников, снежников.

Перелетаем скалистую стенку, и с высоты птичьего полёта открывается обширная, в двенадцать километров в поперечнике плоская кальдера. Она покрыта рыжими болотинами, фумарольными полями со стоящими над ними колоннами пара, зелёными рощами, бирюзовыми плашками больших и малых озёр, горячими ключами, образующими исток Шумной.

Трудно представить, что совсем недавно, а по геологическим меркам — вчера, на месте кальдеры возвышался солидный, более 3000 метров высотой

вулкан. Серия взрывных извержений разбросала эту громаду на десятки километров. В результате от конуса вулкана осталась лишь внешняя кромка – базальтовый гребень высотой от 200 до 800 метров, окаймляющий возникшую кальдеру. Открыли её намного раньше Долины гейзеров – в 1855 году, а подробно описал в 1933 году вулканолог Пийп. Он же обнаружил здесь выход самой молодой на планете нефти.

Приземлился недалеко от симпатичного кордона. Нас встретил поджарый, белобрый, с добродушным лицом и низким музыкальным голосом смотритель лет сорока. Закинув карабин на плечо, он повёл по настильной деревянной тропе к озеру Фумарольное, расположенному на основном термальном поле. Над ним поднимались белые клубы. Это озеро одно из самых горячих в России – температура плюс 50 градусов. Вокруг него насчитывается около 100 источников и более 500 отдельных гидротермальных проявлений практически всех типов. И всё это хлюпает, чмокает, посвистывает, пыхтит. Едкий запах сернистых испарений начинает щипать глаза. Как показали сделанные учёными анализы, здешние фумаролы помимо традиционного сероводорода выбрасывают пары ртути, цинка. Поэтому трава вокруг них ярко-оранжевая, будто опаленная.

Почти в каждой прибрежной ложбинке видим грязевые котлы, заполненные где белой, где рыжей глиной. Они чадят и периодически плюются вязкой жижей. Некоторые уже высохли, и испещрённая трещинками глина напоминает такыр (глинистую площадку) в пустыне. Как пояснил егерь, эти котлы являются собой последнюю стадию в жизни гейзера. У самого озера меня больше всего впечатлили милые грязевые вулканчики – миниатюрные прыщевидные пупырышки, на вершинках которых постоянно вспухает и лопаётся густой пухырь. Встречаются и просто чаши, в которых вяло булькает прозрачная вода – это горячие источники.

От гигантской энергии, идущей из недр, земля под ногами вибрирует, и кажется, что именно здесь с минуту на минуту она разверзнется и перед нами откроется преисподняя. Словно в подтверждение этого, метрах в двадцати от нас забил небольшой и, как сказал смотритель парка, самый молодой гейзер России, возникший всего месяц назад.

Следующий, не менее интересный объект кальдеры – озеро Банное. На самом деле это взрывная воронка, заполненная мутной горячей водой с большим содержанием серы. Заходить в него крайне опасно, ибо дно, представляющее собой корку застывшей мелкокристаллической серы, – ложное. Под ним ещё с десяток метров такого же горячего “бульона”, и только потом настоящее дно.

Почва тут вся в цветистых разводьях, образовавшихся под воздействием минерализованного пара, обильно сочащегося из фумарол. Вокруг желтеют налёты самородной серы.

Тепло земли привлекает в кальдеру зверей, птиц. Особенно много их здесь собирается в конце лета, когда вызревают чёрные ягоды шикши, тёмно-синие, с матовым налётом, голубики и орехи кедрового стланика. А вон и топтыгин. Мирно пасётся, словно корова, не поднимая головы. Срывает ягоды не лапой, а губами. Обходим косолапого по краю вполне приличного леса из каменной берёзы. Пока идём, егерь успокаивает напрягшийся народ:

– Здешние медведи не опасны. В заповеднике их никто не травит собаками, не стреляет. Живём дружно.

На косогоре возле тропы опять шевеление. Медведица с медвежонком нежатся на солнечной полянке. Мамаша лежит на спине, ребёнок ползает по ней, тыкается, треплет, приглашая поиграть. Та лениво отмахивается от назойливого отпрыска.

Егерь жестом даёт команду: “Всем назад! Мамашу с детёнышем лучше не беспокоить”. К вертолёту возвращаемся по обходной тропе. Медлительные до этого иностранцы теперь почти бегут. Но мы с Виктором должны быть благодарны нашим малорослым корейским попутчикам: специально для них предусмотрена ещё и посадка в Долине смерти.

Находится она в самом верховье речки Гейзерная у подножия всё того же вулкана Кихпиныч в семи километрах от полной жизни Долины гейзеров. Открыли её учёные аж спустя 34 года после обнаружения первого гейзера – в 1975 году. Она компактная: около двух километров в длину и метров 100–300 в ширину. Это место получило столь страшное название после того,

как местные промысловики во время одной из охот не досчитались нескольких собак. Нашли их на дне долины мёртвыми. Судя по их виду, причиной смерти послужил паралич дыхания. Вокруг лежало несколько птиц и зверей, погибших, по-видимому, прежде.

Сами охотники вскоре ощутили сухость и металлический привкус во рту, слабость, головокружение, озноб. Это заставило их покинуть “нехорошее место”. Через час неприятные ощущения прошли. С тех пор в Долине Смерти побывало немало научных и туристических экспедиций. Некоторые из них заканчивались трагически: несколько человек погибло. Токсичные испарения не отпугивают животных, и они ежегодно гибнут тут десятками. При этом тела долго не разлагаются.

Вертолёт совершил посадку на самой верхней, хорошо продуваемой террасе. Для дистанционного осмотра и фотографирования нам дали всего десять минут. Мне пришлось довольствоваться лишь созерцанием – за день непрерывных съёмов разрядил оба аккумулятора: основной и резервный. Но верно говорят: “Нет худа – без добра”. Оказывается, когда не отвлекаешься на фотосъёмку, впечатление намного ярче и глубже.

Место это голое, безжизненное. Западный склон, спускаясь к реке, образует ряд ступенчатых террас. На них имеются трещины, через которые выходят из больших глубин струи ядовитых газов. В безветренную погоду они скапливаются в понижениях и промоинах до опасной для жизни концентрации. Зашедшее в такое место животное обречено.

Подобные зоны известны и в других районах планеты с ярко выраженной вулканической активностью: Мёртвое ущелье в Йеллустонском национальном парке США, Долине смерти на Яве в Индонезии, на одном из островов Курильской гряды. Повсюду основной причиной смерти является углекислый газ, скапливающийся в приземных слоях воздуха. Состав же газового коктейля в камчатской Долине смерти гораздо сложнее и агрессивнее, чем в иных местах. Он не имеет аналогов.

Химический анализ воздуха Долины Смерти подтвердил присутствие в нём печально знаменитого хлористого цинка – одного из самых страшных убийц. Проникая в организм, хлорциан быстро блокирует клеточное дыхание, что и приводит к смерти.

* * *

Вот и последний день на Камчатке... Раннее утро... На небе ни облачка. Видимость идеальная. До отлёта ещё пять часов. Прикинул – успеваю съездить в город и с одной из сопки сделать панорамные снимки. Добрая и деятельная знакомая Михаила Яковлевича – Ирина, завезла нас по колдобистому горному серпантину на самую макушку стоящей посреди города Мишенной сопки.

Ночью в горах выпал снег, и покрытые белыми колпаками вершины окружающих Петропавловск вулканов выглядят особенно эффектно. Авачинскую губу на наших глазах начинает заполнять идущий с океана широким, бугристым валом туман. За полчаса он накрыл не только губу, но и часть города. До предгорий, слава Богу, не дотянулся. Солнце тем временем перевалило седые клубы и вновь озарило окрестности.

Азартно фотографирую всё подряд: и вулканы, и дальние, не скрытые туманом, районы Петропавловска, и залитую белой мглой губу. Глянул на часы. До вылета – два часа. Пора возвращаться. В этот момент порывы ветра разорвали в нескольких местах бугристую пелену. Вдали проступил похожий на чудо городок – один из кварталов Петропавловска, а у подножия сопки засияла золотом маковка церкви. Красота сказочная!.. Тем временем, смещаемый ветром к горе, мутный вал тумана окутал сопку и поглотил нас вместе с телевизором. Стало холодно, зябко. Всё! Едем в аэропорт!

Через сутки буду дома, в кругу близких. Вроде радоваться надо, а мне грустно: до того не хочется покидать этот удивительный край. Побывав во многих экзотических уголках нашей планеты, начиная с Аляски, Огненной земли и кончая Гималаями, могу с уверенностью сказать: **более красивого места на Земле, чем Камчатка, нет. Было бы здорово, если бы каждый россиянин, хоть раз в жизни, побывал в этом уникальном уголке России. Иначе мы так и не поймём, в какой прекрасной стране живём!**